

С. С. Савоскул

С паломниками по Франции

Три с лишним года назад я почти неожиданно для себя провел несколько дней во Франции в группе православных паломников. Месяца за полтора до будущей поездки моя младшая дочь, вернувшись из университета, где она преподает, вдруг говорит: «Папа, ты давно никуда не ездишь, не хочешь ли на майские праздники побывать во Франции?».

— Откуда такая мысль? — удивился я.

— Понимаешь, к нам на кафедру иногда приходит доцент с соседнего факультета, он часто организует поездки по Франции. Он и предложил нам. А я подумала — почему бы тебе не съездить?

— Знаешь же сама, лишних денег у нас нет.

— Ну, деньги наберем, да их много и не нужно. Леша — этого доцента Лешей зовут — заказывает самые дешевые гостиницы, а автобус он берет в Белоруссии. Из Москвы до Бреста едут поездом, а оттуда — на автобусе.

— Маш, ну а как я все это выдержу — в автобусе, с чужими людьми?

— Десять дней как-нибудь перетерпишь. Зато Францию посмотришь, а то когда туда попадешь. И заботиться ни о чем не нужно — ни о визе, ни о жилье, отдал деньги и жди дня отъезда.

— И куда он собирается?

— В Париж, конечно, и еще куда-то.

— Интересно, а на русское кладбище, где Бунин лежит, поедут?

— Давай, я расспросчу его подробнее.

Вскоре она узнала, что на русском кладбище будут обязательно и что кроме Парижа поедут еще куда-то к югу, но недалеко, и еще в какой-то город на севере, в соборе которого хранится какая-то христианская святыня. И вообще поездка эта паломническая. При этом Леша сказал, что большинство ее участников составят преподаватели какого-то вуза. Поедут и паломники,

которых он до этого возил в Италию, но в группе будут, конечно, не одни только верующие.

В конце концов, я все-таки решился, хотя меня все же немного смущал паломнический характер поездки. Маша отдала Леше мой паспорт и деньги, и потом до меня доходили лишь отдельные вести о предстоящем путешествии — о получении визы, о покупке билетов, о том, что поедет и мать Машиного коллеги по кафедре.

За день до отъезда мне позвонил Леша и сказал, что завтра за полчаса до отправления брестского поезда мы встречаемся на Белорусском вокзале. На следующий день — 28 апреля — я приехал на вокзал и по Машиным приметам — высокий полный лысеющий блондин с бородкой — нашел нашего руководителя. Он дал мне мой билет, я пошел к вагону и до Бреста ни его, ни остальных будущих попутчиков не видел.

В Брест мы приехали в утренних сумерках. Вокруг нашего вожатого собралась кучка не знакомых мне, по большей части пожилых, не высавшихся и зябко ежившихся людей. Среди них выделялся молодой, невысокий худенький монах. Леша пересчитал всех, и мы отправились на привокзальную площадь, где нас уже ждал автобус. По какому-то ему известному принципу Леша стал рассказывать экскурсантов в автобусе. Он читал по своему списку фамилии и показывал, кто на каком месте будет сидеть. По его воле я оказался рядом с матерью Машиного коллеги, которую до этого ни разу не видел.

Рассевшись, поехали к пропускному пункту. До него оказалось недалеко, но перед ним уже выстроилась длинная вереница легковых машин и автобусов, при виде которой какие-то знающие люди из нашей компании сказали, что ждать придется несколько часов.

И это предсказание сбылось в полной мере — на польской земле мы оказались только через

семь часов. За это время мы точно узнали цену за вход в белорусский, а потом и в польский туалет, вдоволь насмотрелись на здания пропускного пункта, на пограничный шлагбаум, на форму белорусских и польских пограничников. Выйдя очередной раз из автобуса, чтобы немного размять затекшие ноги, я коротко обмоловился с одной из своих попутчиц, курившей неподалеку. «Едем без иконы и без молитвы, — сказала она мне, — и как вижу, много среди нас неверующих, поэтому и стоим так долго. Прошлый раз мы с Алексеем Владимировичем в Италию ездили, все время молитвы творили, акафисты пели, и все границы проскочили без задержек». Я стал говорить про предпраздничные дни, но собеседница стояла на своем — «веры мало!».

Леша с нашим монахом пробовали что-то предпринять, куда-то ходили, но безрезультатно. Кстати говоря, монах, как только мы сели в автобус, представился, сказал, что зовут его отец Илия, что он насельник одного из московских монастырей и что на время путешествия он будет нашим духовным пастырем. И, не откладывая дела в долгий ящик, начал службу. А нужно сказать, что начало нашей поездки пришлось на первую послепасхальную неделю, когда продолжаются праздничные службы. И до сих пор в моей памяти звучит: «Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

По мягкому, молдавскому выговору я решил, что наш духовный отец — молдаванин. И во время одной из остановок я спросил его об этом.

— Я румын, — ответил он.

— Но, судя по вашему выговору, вы из Молдавии, — сказал я.

— Вы, значит, бывали в Молдавии, — улыбнулся монах.

— Много раз.

— Да, я из Приднестровья, из Бендер, — уточнил отец Илия.

Я по своей этнографической привычке попытался выяснить — почему же он все-таки считает себя румыном. Мой собеседник ответил, что в его семье все считают себя румынами.

Наконец, уже и поляки собрали наши паспорта. Спустя полчаса они вернули их Леше, он раздал их нам, и автобус поехал на запад. Оказалось, что и по эту сторону границы образовалась длинная — не меньше километра — очередь, состоявшая в основном из большегрузных немецких автомобилей.

Пошли узкие польские дороги, на них особенно не разгонишься. По сторонам то и дело бросались в глаза объявления на русском языке: «Мойка», «Шиномонтаж», «Продажа...».

Недолго проехав, автобус остановился у придорожной столовой. Это было очень кстати. Водители сказали, что здесь всегда кормят вкусно и дешево. Так и оказалось. К тому же молодые полячки-раздатчицы неплохо объяснялись по-русски. «Говорите, я разумлю по-русски», — сказала одна из них, когда кто-то из нашего автобуса затруднился назвать выбранное блюдо. Чувствуется, что нашего брата проезжает тут немало — поневоле заговоришь. Когда поехали дальше, Леша в шутку предложил: «А может быть, останемся в Польше, кормят дешево и вкусно, по-русски понимают. Да и страна интересная, есть что посмотреть, особенно на Краков, Лодзь».

А за окном тянулись леса, узкие полоски вспаханной земли, деревни, какие-то городки, костелы, большие придорожные распятия. По словам нашего руководителя, который время от времени что-нибудь рассказывал, поляки сейчас поставляют католических священников для всего мира. Связано это с тем, что Польша — очень религиозная страна, к тому же для поляков, в отличие от большинства западноевропейцев и американцев, карьера католического священника все еще привлекательна, несмотря на обязательный обет безбрачия, отталкивающий от этого особого служения большинство мужчин в более развитых странах.

Ранним пасмурным вечером подъехали к Варшаве. Окружной дороги, как рассказал Леша, в городе нет, поэтому ехать пришлось через центр. По его же словам, одним из обязательных требований варшавян при выборах очередного нового мэра является лозунг «Настоящая столица — окружница и метро». Понятно, что каждый кандидат обещает их построить, но ни того, ни другого в Варшаве пока нет.

Тем временем вдали над городом мелькнула высотка — «Дом науки и техники» — давний советский подарок польской столице. Переехали по мосту Вислу, осененную плакучими ивами, и вскоре выехали из города. Некоторое время дорога вела мимо богатых пригородных особняков, потом пошли дома попроще. В окно одного из них, когда автобус остановился у светофора, я увидел освещенную комнату и пожилого мужчину, курившего у окна, а в кресле сидела женщина с книгой в руках.

Сумерки между тем все сгущались, и вскоре совсем стемнело.

К немецкой границе добрались в полночь. Польша сейчас член Евросоюза, но в Шенгенскую зону она не входит, и поэтому перед въездом в Германию тут, как и на белорусско-польской

границе, проверяют паспорта. К счастью, на сей раз эта процедура заняла чуть больше часа. Когда дошел наш черед, пограничники (или таможенники, кто их разберет) — польский и немецкий одновременно — вошли в автобус и стали собирать паспорта, сверяя фотографии с владельцами. Лысоватый мужичок в светлых брюках и таком же жилете, сидевший у окна через проход от меня, в это время безмятежно спал, и когда его разбудили, спросонья долго не мог найти свой паспорт. Пограничник уже начал показывать ему жестом, чтобы он поднялся и вышел с ним. Весь автобус напряженно ждал результатов его уже лихорадочных поисков. Стали вслух предполагать, где он мог потерять свой паспорт. Когда мужчина вышел в проход, я посоветовал ему не волноваться, а еще раз не спеша проверить карманы. «Может быть, в задний карман брюк положили?» — предположил я, припомнив свою привычку. И действительно, паспорт оказался там. Все облегченно вздохнули, пограничники ушли. Через полчаса наши паспорта вернули, и автобус отправился дальше.

Германия встретила нас абсолютной темнотой.

— Я думала, Европа ночью утопает в свете, а тут дороги не освещены, — удивилась моя соседка.

— Экономят, — ответил я.

До Хемница — бывшего Карл-Маркс-Штадта, где нас ждала первая гостиница, — добрались уже в ранних утренних сумерках. Долго кружили по городу в поисках гостиницы. Серые дома, стриженная трава газонов, цветы. Чистенький, обычный немецкий город, чем-то напомнивший мне Эрланген, где за четыре года до этого я прожил почти месяц, но без его холмов и синих Франконских гор вдали. Некоторые горожане уже куда-то спешили — кто на велосипедах, кто в полупустых автобусах и трамваях. Когда, наконец, нашли нашу гостиницу, совсем рассвело.

Оказалось, что она размещена в обычном жилом доме советско-социалистического образца. У крайнего подъезда нас встретила средних лет немка с ключами и стала разводить по подъездам и квартирам. Скоро выяснилось — видимо, Николай Васильевич, один из наших спутников, свободно владевший немецким, об этом и узнал, — что в этих домах когда-то жили наши офицеры, служившие в местном гарнизоне. И подъезды, и квартиры такие же, как в наших хрущёвах, правда, чуть улучшенные и облагороженные. Мне запомнилось, что на каждой ступеньке межэтажной железобетонной лестницы

были наклеены серые суконные, как мне показалось, коврики овальной формы.

Меня поместили в комнате бывшей трехкомнатной квартиры вместе с молодым, высоким, симпатичным, толстопузым парнем. Мы положили свои вещи, умылись. Отодвинув тюлевую занавеску (а в номере, между прочим, висело объявление, в буквальном переводе звучащее «не расшторивать»), я выглянул в окно. В 30–50 метрах напротив нашего корпуса стоял такой же скучный блочный дом. Между домами подстриженные газончики, цветы.

Немного полежал в ожидании завтрака. За две бессонные ночи — в поезде и в автобусе — устал до изнеможения. Чувствую, что даже дрожат руки. А ноги отекли так, что лодыжек совсем не видно. После завтрака лёг спать и, проснувшись часа через четыре, почувствовал себя заметно лучше. Оказалось, что пока я спал, кое-кто из нашей компании успел съездить в Дрезден, благо он неподалеку, и даже посмотреть знаменитую галерею.

«Душа компании» — Николай Васильевич — тоже выспался и согласился со мной в том, что длительные автобусные экскурсии оказываются занятием довольно утомительным. Говорю, душа компании, но, как вскоре стало ясно, далеко не всей компании, а лишь той, правда, заметной ее части, которую составляли преподаватели какого-то коммерческого, как я понял, университета. Позже сидевшая за нами грубоатая пожилая женщина (потом моя соседка узнала, что она работает в ЖЭКе) громогласно назвала их «элитой» — элита, дескать, всегда опаздывает, а остальные должны их ждать.

Уже в автобусе моя соседка (ее звали Людмилой, а отчество я позабыл) сказала, что она успела походить по городу, видела в центре огромный памятник бородатому Карлу Марксу. «Удивительно, что его не снесли», — подумал я.

Из Хемница выехали в три часа дня. После узких польских дорог немецкие автобаны особенно впечатляют своей шириной, гладкостью и скучкой — никаких тебе деревенек, городков, костелов, распятий, домиков, которые то и дело попадаются на польских дорогах. Небольшие поселения, если и видны, то в отдалении, в виде небольшой живописной картинки, вставленной в природу. Несколько раз останавливались — на дороге нередко устроены некоего рода ворота со шлагбаумами в каждом ряду. Тут собирают деньги за проезд по скоростному шоссе. Сунешь карточку в щель автомата, ворота открываются, и едешь дальше. Так вполне наглядно ощущаешь цену этих великолепных

дорог, пересекающих всю страну, в том числе и бывшую ГДР.

К вечеру я догадался, что проезжаем Франконию. На указателях пошли знакомые названия — Байройт, Нюрнберг, Бамберг. На горизонте видны синие Франконские горы. Помню, четыре года назад я впервые увидел их в холодный, немного пасмурный мартовский день из замка в Бамберге. А вскоре уже не вдали, как до этого, а рядом с дорогой появились огромные, цельнометаллические ветряки, медленно размахивающие на ветру своими фантастическими крыльями и так вырабатывающие электроэнергию.

Шварцвальд перевалили в темноте, и я на сей раз не увидел его темных, покрытых хвойными лесами хребтов.

К Европейскому мосту через Рейн, ведущему из Германии во Францию, подъехали около полуночи. После темного автобана открылось веселое море огней перед мостом и по ту сторону Рейна, в Страсбурге. И сам мост огненной цепью протянулся над темной рекой. Леша, сидевший впереди рядом с монахом, на середине моста радостно объявил: «А вот и табличка — „Франция“». И больше ничего — никаких таможенников, пограничников, никакого контроля». Мы, сидя во второй половине автобуса, никакой таблички не увидели. Но и без того было ясно — мы во Франции! Общее оживление, особенно впереди, среди «элиты».

Переехали Рейн и оказались в Страсбурге, или Страсбуре, по-французски. Наша гостиница оказалась где-то на окраине, но нашли ее быстро.

Молодая смуглая дежурная, видимо, алжирка, была одета как-то по-домашнему, чуть ли не в халатике. Оно и понятно — прибыли мы уже за полночь. Канцелярскую часть гостиницы, где, видимо, хранятся заявки на номера, уже успели закрыть подъемными жалюзи. Пришел такой же, как и дежурная, смуглый парень, поднял жалюзи, девушка взяла бумаги, и начался процесс размещения.

Мне в соседи достался тот самый чудак, который спал на немецкой границе, а потом долго искал паспорт. Как и я, он ехал один. Вообще, как я помню, мужчин, особенно одиноких, в группе оказалось заметно меньше, чем женщин, и большая часть последних ехали в одиночку.

На следующее утро сосед встал раньше меня и пошел прогуляться. Когда вернулся, сказал, что бегал, видел восход солнца и диких кроликов.

После завтрака отправились посмотреть страсбургский собор Нотр-Дам. По дороге вспомнили, что сегодня 1 мая — праздничный день и во Франции, как сказал Леша. Доехали на своем автобусе до вокзала, а оттуда пошли пешком по немноголюдным спокойным широким улицам. По дороге пересекли один или два то ли канала, то ли рукава какой-то реки, по которым на небольших плоскодонных катерах медленно проплывали туристы, осматривая город с воды. А на волнах, оставляемых катерами, покачивались белые лебеди.

На площади перед собором и в окружающих его узких улочках было уже многолюдно. Собор настолько громаден, что тесно выросшие вокруг него старинные четырех- и пятиэтажные фахверковые дома кажутся не больше грибов под пирамidalным тополем. В то же время эти тесные улочки не позволяют увидеть всю его громаду целиком. В их пролетах видишь лишь отдельные части застывшего причудливого водопада кружевных каменных колонок, стрельчатых окон, статуй и барельефов и высоко вознесшуюся над городом единственную его башню. Её ажурный шпиль достигает почти 150-метровой высоты. С начала XV столетия* до XIX в., когда построили более высокие колокольни в Ульме и Кёльне, это был самый высокий шпиль в христианском мире.

Выйдя из собора, я заметил, что две женщины из нашей группы беседуют с какими-то туристами. Приглядевшись, я понял, что они разговаривают с членами одной семьи — супругами средних лет с двумя девочками-подростками и младенцем в коляске. Мне показалось странным, что женщина и девочки были одеты в длинные юбки. Подойдя поближе, я услышал, что разговор идет на русском языке. Оказалось, что это российские немцы, переселившиеся несколько лет назад в какой-то немецкий городок по ту сторону Рейна. Сегодня выходной, и наши бывшие соотечественники приехали посмотреть Страсбург. Судя же по юбкам, они, видимо, менониты.

Нужно сказать, что исторически язык эльзасцев — один из диалектов немецкого языка. Но, как пишут французские исследователи, в

* Первый каменный храм на месте собора был построен еще в 1015 г. Нынешнее здание собора возникло в результате второй перестройки первоначальной романской церкви, в архитектуру которой мастера из Шартра включили элементы готики. Собор был освящен в 1284 г. В 1399 г. начали сооружать северную башню портала — цель была построить самую высокую колокольню Европы. К тому времени готика получила повсеместное распространение. В 1439 г. возведение колокольни со шпилем было закончено кёльнским мастером Иоганесом Хильдем.

наши дни его все больше теснит французский язык, и эльзасский становится по преимуществу языком старшего поколения. В то же время, как мне показалось при посещении собора, туристы из соседней Германии составляют очень заметную часть осматривавших его людей, и, как правило, пожилые продавцы сувениров, открыток, альбомов разговаривают с ними по-немецки. И я подумал, что повседневное общение с соседями из-за Рейна, ставшее особенно активным после заключения Шенгенского соглашения, может стать заметным фактором, поддерживающим бытование немецкого языка в Эльзасе.

Эльзас, историческим центром которого является Страсбург, — особый регион Франции. Естественной восточной границей Эльзаса выступает Рейн, а с запада его ограничивают Вогезские горы. Из розовых песчаников Северных Вогезов сооружены самые знаменитые храмы и замки Эльзаса. Холмистые предгорья Вогезов издавна славятся своими виноградниками и фруктовыми садами.

Со времени раздела (в 843 г.) империи Каролингов между сыновьями Людовика Благочестивого на три государства — Восточно-Франкское (будущая Германия), Западно-Франкское (позднее Франция) и Южно-Франкского (будущие Италия и Бургундия) — Эльзас на многие столетия стал яблоком раздора между двумя соседними странами. Но, издавна объединяя в своей культуре французские и немецкие традиции, Эльзас также давно стал и местом ведения переговоров, способствовавших объединению европейских народов. В состав Франции, как одна из ее провинций, Эльзас вошел в конце XVII в. Удивительно, но именно на этой французской окраине родился через столетие гимн будущей республиканской Франции. Во время Великой Французской революции Руже де Лиль написал «Боевую песнь Рейнской армии», исполненную в Страсбурге при проводах эльзасских добровольцев. Вскоре ее подхватили марсельские революционеры, и с тех пор она стала называться «Марсельезой», превратившись со временем во французский гимн. После Франко-пруссской войны 1870—1871 гг., закончившейся поражением Франции, Эльзас и часть Лотарингии были переданы Германии. Историки пишут, что тогда каждый третий эльзасец покинул родину и переселился во Францию. Вновь в ее состав край вошел в 1918 г. после завершения Первой мировой войны. Разгромив Францию в 1940 г., фашистская Германия аннексировала Эльзас, а после освобождения Страсбурга в конце 1944 г. этот «перекресток Европы» окончательно стал фран-

цузским. Вскоре после Второй мировой войны Страсбург был избран резиденцией Европейского совета, а затем и Европарламента.

К сожалению, у нас не было времени даже взглянуть на представительства этих общеевропейских организаций, расположенных где-то на городской окраине. Осмотрев знаменитый собор, мы вернулись к своему автобусу и поехали на окраину Страсбурга, к храму, в котором хранятся останки святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Честно говоря, до того как Леша (по дороге к собору) коротко рассказал о них, я знал лишь имена этих христианских мучениц. Оказывается, они жили в Италии во времена императора Адриана, имя которого нам, пожалуй, особенно известно по названию Адрианова вала, который римляне возвели на севере Англии для защиты от нападений воинственных племен, населявших Шотландию. Открытое исповедание Софией и ее дочерьми христианской веры вызвало гонение римских властей. Император призвал сестер принести жертвы Артемиде, а после отказа велел подвергнуть их жестоким истязаниям, которые не устрашили юных дев, продолжавших

Храм святого Трофима в пригороде Страсбурга «Эшо». Здесь хранятся мощи святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии

прославлять Христа. При этом их мать заставили присутствовать при всех страданиях юных дочерей. Но она мужественно убеждала их вытерпеть все мучения во имя Христовой веры. После казни сестер Адриан разрешил Софии взять тела ее дочерей, которые она и погребла за городом, а через три дня, не отходя от их могил, и сама предала душу Господу. Верующие погребли ее тело на том же месте.

В Страсбурге — вернее, в бенедиктинском аббатстве в селении Эшо, в 15 км к югу от Страсбурга — мощи святых мучениц хранились с 777 г. Они были получены страсбургским епископом Ремигием от папы Адриана I и с тех пор привлекали к себе множество паломников. А в середине XII в. игумения монастыря устроила в деревне Эшо, разросшейся вокруг обители, гостиницу для паломников. Во время французской революции XVIII в. монастырь был ликвидирован и мощи пропали. Монастырская церковь святого Трофима в самом конце позапрошлого века была объявлена историческим памятником, после чего началось ее восстановление. И лишь в 1938 г. католический епископ Шарль Руш привез в Эшо из Рима две новые частицы мощей святой Софии, одну из которых поместили в саркофаг из вогезского песчаника, а другую — в небольшой реликварий, хранящийся в раке вместе с другими святынями. Молебном у раки с мощами

этих святых и должен был начаться наш паломнический путь.

Когда мы подъехали к собору, на улице перед ним нас уже поджидал русский православный священник из какого-то эльзасского городка, приехавший по просьбе Леши отслужить службу вместе с российскими паломниками. Священник, седовласый благообразный человек, был не один, а с матушкой и двумя прихожанами своей церкви, видимо, тоже супругами. Пока мои спутники знакомились со священником, я огляделся. Храм находился в районе, застроенном небольшими домиками с красными черепичными крышами. Как я заметил еще из автобуса, в маленьких двориках видны лишь аккуратно подстриженные кусты да небольшие цветники. Сам собор — аскетически простой, с голыми оштукатуренными серовато-желтыми стенами, с узкими прорезями окон, вознес к небу суровый крест над своей крутой кровлей, крытой старой потемневшей черепицей. Войдя вместе со всеми в церковный двор, отделенный от улицы невысокой каменной оградой, я увидел, что большую его часть составляет кладбище. В глубине двора за длинным нефом храма стоит узкая квадратная башня колокольни. Когда паломники вошли в церковь, несколько глухих, дребезжащих, непривычных для русского слуха ударов колокола известили о начале службы. Под стать наружному виду,

Паломники в храме Сен-Никола у мощей свт. Николая.
Сен-Никола. 2006 г.

собор и внутри был почти по-сиротски скромным. Никаких цветных витражей в окнах, скучный свет из которых освещал лишь голые стены и ряды старых деревянных скамей.

После начала службы, которую вели отец Илия и эльзасский священник, я немного постоял вместе с другими паломниками и вышел во двор. Выйдя за церковную ограду, я прошел по пустой улице мимо скучных домиков, во дворах которых, завидев прохожего (явно непривычную для них картину), залаяли собаки, и вернулся обратно.

Наш дальнейший путь лежал на запад, через Вогезы к городку Сен-Никола-де-Пор, расположенному немного не доезжая Нанси — центра Лотарингии. Свое название городок получил от одноименной базилики, в которой с 1098 г. хранится часть мощей святителя Николая. Оказывается, в г. Бари находятся не все мощи этого святого. Помимо лотарингского городка другая их часть хранится в Венеции.

Понятно, что христианская реликвия, связанная с таким почитаемым в России святым, не могла не войти в наш паломнический маршрут. Во Франции же, по словам нашего вожатого, храмов, посвященных этому святому, немного. Подъезжая к городку, Леша рассказал, что здешний настоятель не раз бывал в России, где у него есть знакомые православные священники, служащие, как и он, в Никольских храмах. Сен-Никола-де-Пор оказался совершенно крошечным городком. Его центр со старыми домами из сероватого песчаника и таким же серым громадным собором с узкими стрельчатыми окнами лежит в долине, а на окрестных холмах среди зелени садов видны особнячки. Длинное здание храма занимает пространство между двумя узкими бедноватыми улочками. Собор нам открыл его настоятель — средних лет черноволосый кучерявый француз. Он приехал из дома по просьбе Леши, который позвонил ему с дороги. Одет он был в обычные джинсы и куртку. Леша, не раз возивший паломнические группы по этому маршруту, заговорил со священником как со старым знакомым.

В огромном пустом храме с множеством ярких праздничных витражей еще стояли пасхальные ветки, украшенные разноцветными искусственными яйцами. У скульптуры Николая Чудотворца, изображенного с посохом в левой руке, и камен-

Пасхальные яйца на «пасхальном дереве»

ного ковчега с мощами святого наш монах провел службу. Во время нее француз-настоятель почтительно стоял в сторонке, крестясь вместе с паломниками. После службы стали по очереди подходить к гробнице. Я тоже подошел к раке и коснулся рукой ее холодного камня.

Покинув Сен-Никола, долго выбирались на магистральную дорогу в сторону Парижа. День был серенький, но уже во всю цветли сады, среди бело-розовой дымки которых прозрачно розовели еще какие-то деревца. В один момент, когда проезжали мимо радостно, по-весеннему зеленоющего леса, вдруг слева, далеко в долине, открылся довольно большой город. «Это Нанси», — пояснил наш вожатый. Наконец, выехали на магистраль и под руководством нашего монаха, вставшего и обернувшегося к своим духовным чадам, дружно запели какое-то молитвенное песнопение (очевидно, канон или акафист. — Ред.). А за окнами мелькали перелески, ярко желтев-

шие поля рапса, и вдали то и дело появлялись селения с высокими церковными колокольнями. Вскоре переехали через Маас, и Леша сказал, что где-то здесь в деревушке недалеко от городка Вакулёр, на границе с Лотарингией родилась в 1412 г. девочка Жанна д'Арк, ставшая через семнадцать лет знаменитой Орлеанской девой.

Уже в темноте выехали на окружную парижскую дорогу, по которой добрались до района аэропорта Шарль де Голль — неподалеку от которого и находилась наша гостиница. Метрах в ста от нее стояло еще два отеля классом повыше, но, в общем, местность была явно не городской. Гостиничные номера оказались крошечными, приспособленными только для ночевки. Двухэтажная кровать занимала большую их часть. Кроме нее под окном стоял малюсенький столик, над ним висел телевизор, а в угол у входа была втиснута пластмассовая душевая кабинка, дверца которой почти упиралась в кровать. Мы так устали за день, что приняли душ и тут же легли спать.

На следующее утро (2 мая) поехали на своем автобусе в центр. Он оказался не близко, добирались туда больше часа. По дороге Леша поведал нам о планах на день. Вначале предстояла автобусная экскурсия по центру, которую проведет русский гид. Затем будет поездка в парижский пригород Аржантёй, в соборе которого хранится хитон Христа. После службы в соборе возвращение в центр и свободное время до вечера, до встречи у автобуса, который и отвезет нас в гостиницу. Попутно Леша рассказывал и о том, мимо чего мы проезжали. Но если не считать громадного стадиона, вокруг располагались, на мой взгляд, обычные современные городские окраины, которые поразили меня лишь тем, что были застроены огромными многоэтажными домами, почти как в Москве, и не было видно ни одного уютного, окруженного зеленью особнячка или невысоких домов, как в Лондоне или Берлине. Несколько оживился я, когда услышал знакомое название. «Вон там, вдали, — Леша показал направо, — городок Сен-Дени, фактически слившись с Парижем». Я поглядел в ту сторону, но, как ни напрягал зрение и воображение, никакого городка не увидел. «Там похоронены почти все французские короли, а сейчас в нем живут почти одни темнокожие французы, — продолжал вожатый. — Я думаю, вы знаете, что именно здесь начались беспорядки в конце прошлого года, перекинувшиеся потом и в Париж». Кстати говоря, за все четыре дня, проведенные в Париже, мы лишь дважды заметили следы тех ноябрьских

волнений. Один раз, когда мы проезжали на автобусе где-то вдали от центра, я заметил разбитую витрину небольшого магазина, закрытую картоном. В другой раз, проходя в районе Сорбонны, я увидел наскоро заделанные фанерой входные двери в одно из зданий университета.

Где-то в центре к нам подсела молодая женщина — наш гид. Часа два мы кружили по городу и, слушая ее, поворачивали головы то вправо, то влево, пытаясь разглядеть мелькавшие за окнами — остров Сите, Консьержери, Лувр, Пале-Рояль, Комеди-Франсе, сад Тюильри, Парижскую ратушу, церковь Мадлен, мост Александра III (подарок русского императора французской столице), Дом Инвалидов, Институт Франции. Гид показала нам и бронзовый факел над въездом в туннель, где погибла принцесса Диана со своим спутником. И время от времени то ближе, то дальше виднелась Эйфелева башня, силуэт которой накрепко слился с Парижем, и изредка проблескивала под солнцем легендарная Сена.

Сразу же после экскурсии отправились в Аржантёй. Тут к нам присоединился отец Владимир — настоятель одной из парижских православных церквей, относящейся к Московскому Патриархату. Леша, представивший его нам, подчеркнул, что именно Московскому, потому как наиболее посещаемые старой русской эмиграцией православные церкви Парижа — Сергиевское подворье и собор Александра Невского — подчинены или самостоятельной (тогда, в мае 2006 г.) Русской Православной Церкви зарубежья (Русской Православной Церкви Заграницей. — Ред.) или Константинопольскому Патриархату. На вид отцу Владимиру — худощавому, в черной рясе, подпоясанной простым кожаным ремешком, было лет пятьдесят. Человеком он оказался словоохотливым, тут же рассказал о себе — бывший физик, эмигрировал во Францию накануне распада СССР.

В Аржантёй, расположенный на северо-восток от Парижа, въехали как-то незаметно, фактически он сливаются с парижскими окраинами. Старый темный собор стоит в окружении могучих платанов. Войдя вместе со всеми внутрь храма, я немного побродил под его сводами, купил фотографию хитона. Перед началом молебна отец Владимир рассказал про святыню, поклоняться которой мы приехали. Хитон (так называли эту мужскую одежду греки, по-латыни — туника) — широкая свободная рубашка изо льна или шерсти до колен или ниже. Во времена земной жизни Спасителя эта мужская одежда была очень простого покрова: кусок длинной материи складывался вдвое и сшивался по краям.

Наверху оставляли отверстия для рук и головы. Цельное же одеяние ткали на широком стане. Начиная примерно с XIII в. аржантёйскую реликвию стали почитать и как тунику без шва, которая была на Иисусе во время Его Страстей. И в самом деле, эта одежда покрыта пятнами, похожими на кровавые. По легенде, в начале IX в. хитон Христа подарила франконскому королю Карлу Великому византийская императрица Ирина. Король передал драгоценную святыню в известный женский монастырь (вокруг которого и вырос город Аржантёй), игуменьей которого была его дочь Феодора. В годы Французской революции, после разграбления бенедиктинского женского монастыря, хитон Христа был перенесен оттуда в приход. В 1793 г. его пастырь, опасаясь за святыню, разрезал хитон на части и спрятал в разных местах. Два года спустя части хитона — одна большая и три поменьше — были найдены и возвращены в церковь. Видимо, поэтому у ныне хранящегося хитона рукава только до локтей. В 1865 г. реликвия была перенесена в новый аржантёйский храм. Подлинность хитона, как и всех христианских реликвий, подтверждают, по словам отца Владимира, многие исходившие от него чудеса*.

На пути из Аржантёя мы то и дело застревали в пробках, так что, когда вернулись в центр, до возвращения автобуса в гостиницу осталось около трех часов. Большая часть наших спутников отправилась на пароходную прогулку по Сене, заранее заказанную нашим давешним гидом, а остальные вольны были делать, что хотели. А в назначенное время договорились стоять на набережной у моста напротив Консьержери, куда должен был подъехать наш автобус. Мы с Людмилой решили погулять самостоятельно. Она еще по дороге из Аржантёя наметила маршрут — до Центра Помпиду, потом по улице Риволи до площади Вогезов (в автобусе про нее интересно рассказывал Леша), потом на площадь Бастилии и обратно на набережную.

Ни площадь Бастилии с нескончаемым потоком автомобилей и колонной посередине, увен-

Хитон Господа Иисуса Христа в соборе парижского пригорода Аржантёй

чанной золотой фигурой Гения Свободы с коротенькими крыльями, ни тем более несуразные трубы Центра Помпиду меня не вдохновили. А вот тихая площадь Вогезов, замкнутая четырехугольником невысоких старинных домов из красного кирпича, обрамленного белым тесанным камнем, пришла мне по душев. Большую ее часть занимает сквер, по краям осененный густыми липами и небольшими подстриженными деревцами. По краям сквера стоят скамейки, а в середине два больших газона. В центре одного из них небольшой фонтан из двух чащ, в центре другого памятник какому-то королю. Мы долго, умиротворенно сидели, поглядывая на освещенные нежарким вечерним солнцем красно-белые

* Позже я узнал, что в соборе немецкого г. Трир хранится хитон (туника), также считающийся подлинной одеждой Христа. По христианской традиции, его (вместе с другими святынями) передала сюда императрица Римской империи святая Елена — трирская уроженка. В результате одной из экспертиз на трирском хитоне обнаружен тот же состав растительной пыльцы, что и на известной Туринской плащанице.

стены домов, на мелкую клетку их окон, на темные шиферные крыши. И тут даже вечно куда-то торопившаяся Людмила согласилась, что лучше не спеша посидеть, осмотреться в одном таком месте, чем оббегать десяток других, при этом толком ничего не прочувствовав.

Весь следующий день (3 мая) наши шоферы, подчиняясь строгим европейским правилам, должны были отдыхать. Поэтому в город нужно было выбираться самостоятельно. Леша взялся довести наиболее робких и безъязыких до ближайшей станции RER (нечто среднее между метро и электричкой), куда постояльцев здешних гостиниц бесплатно возила специальная маршрутка, и помочь приобрести билет, действительный на сегодняшний день для всех видов городского транспорта. В этот день никаких совместных экскурсий не предполагалось, каждый делал, что хотел. Я и на сей раз объединился с энергичной Людмилой. Она предложила вначале отправиться на Монмартр, а потом вернуться в центр.

День был довольно жаркий. Мы вышли на ближайшей к Монмартру станции метро и, пройдя мимо многочисленных, пока полупустых кафе, оказались у подножия знаменитого холма, увенчанного белоснежной базиликой Сакре-Кер (святого сердца Иисуса Христа). К моей радости, подняться к ней можно было не только по широкой лестнице, но и на фуникулере.

Сверху открылась уходящая к горизонту панorama Парижа — вон крошечный отсюда Нотр-Дам, а там правее Эйфелева башня, кое-где блестит Сена. Зашли в собор, показавшийся мне изысканно сухим и скучноватым. Прошли по небольшой площади, сплошь занятой художниками, заставленной их мольбертами и выставленными ими на продажу парижскими пейзажами, изображениями цветов, портретами. По периметру площади открытые кафе, среди которых приютилась галерея Дали. В узком же коридоре между кафе и художниками толпы туристов, среди которых редко услышишь французскую речь.

Добравшись до центра, мы побывали в еще одном символическом месте Парижа — Доме инвалидов. В его церкви поглядели на гробницу Наполеона из полированного красного финского порфира (останки императора, вывезенные с острова Святой Елены в 1840 г., покоятся не в ней, а в саркофаге, захороненном в церковной крипте). Во внутреннем дворе Дома инвалидов стоят позеленевшие от времени пушки Великой армии. В книжной лавке музея французской Армии (он занимает большую часть Дома инвалидов) я полистал великолепно изданные тома

и еще раз убедился, что во Франции настоящий культ Наполеона! Жаль, что почти всё издано на французском, а так бы хотелось купить кое-что, к примеру, книгу о наполеоновском походе на Москву, да и мемуары Де Голля тоже.

Потом мы совершили героический (во всяком случае, для моих ног) марш-бросок через Сену (по мосту Александра III) к площади Звезды с ее Триумфальной аркой, а от нее Елисейскими полями к площади Согласия (не забыть взглянуть на Луксорский обелиск!), а тут уж и рукой подать до сада Тюильри, где, к счастью, нашлась свободная скамейка.

Уже наступили ранние сумерки, стало прохладнее, ноги мои немного отдохнули, и я начал мечтать о неспешной прогулке по набережной, легком ужине, кофе. Но тут моя спутница стала уговаривать меня зайти еще в Лувр. Я взмолился: «Давай оставим до другого раза», но она резонно возразила: «А другого раза, во всяком случае, у меня, может и не быть». Пришлось уважить женщину.

У Людмилы был какой-то план Лувра, но тут обнаружилось, что мои очки пропали, видимо, я оставил их в книжной лавке Дома инвалидов. Спутница же моя проводником оказалась плохим, что, впрочем, и не удивительно — настолько громаден Лувр. Мы довольно долго бродили по каким-то исламским и китайско-японским залам, пока случайно не столкнулись с чем-то знакомым — прелестными фресками Боттичелли. Где-то неподалеку от них увидели Дюрера, а при переходе из одного крыла дворца в другой неожиданно наткнулись на Венеру Милосскую. Тут старенький смотритель попытался объяснить нам по-английски, что скульптура эта изображает некую важную леди, и мы, вежливо покивав ему, побрали дальше. Каким-то чудом попали и в зал с Джокондой, в котором застыло нескользко как бы восторженно-недоуменных зрителей. Помнится, лет сорок назад, еще в студенческие годы я видел ее на выставке в Пушкинском музее. Признаться, и тогда, и сейчас (правда, на сей раз нужно, видимо, сделать скидку и на усталость, и на одревеневшие от ходьбы ноги), сколько я ни вглядывался в это странное, чем-то притягивающее взор лицо, но так и не смог заставить себя восторгаться и не смог дать себе ответа: чего же здесь больше — многовековой молвы или какого-то недоступного мне художественного достижения? А когда мы попали в длинный, уже опустевший зал (а за ним виднелся еще один!), сплошь увешанный розоватыми телесами кисти Рубенса, я с радостью понял, что музей закрывается и всех приглашают к выходу.

До своей дальней станции мы добирались чуть ли не на предпоследнем поезде РЭРа. В вагоне кроме нас ехало несколько темнокожих подростков, и хотя сидели они порознь и молчали, нам стало как-то спокойнее, когда на одной из станций в вагон вошли и сели напротив нас двое моложавых светловолосых англоязычных мужчин, ехавших, судя по чемоданам, в аэропорт. На своей станции мы не сразу сообразили, откуда отправляется гостиничный микроавтобус. А когда нашли его остановку, он уже трогался. Хорошо еще, что я догадался показать визитку нашего отеля. Увидев ее, шофер притормозил и открыл нам дверь.

На другое утро (4 мая) по дороге в Шартр в какой-то момент вдали над горизонтом, куда уходили ровные, желтеющие поля рапса, появились два вознесшихся к небу шпиля. По мере нашего приближения они, не спеша, вырастали, и вскоре стали видны две башни-колокольни, потом появилась и зеленая крыша собора, но все еще казалось, что храм стоит совершенно один, в чистом поле, как некое природное, нерукотворное чудо, как какая-то причудливая подводная скала, оставленная здесь давно схлынувшим морем.

А когда мы подъехали совсем близко, оказалось, что собор расположен на вершине холма, а прелестный городок простерся и по его склонам и еще ниже по долине небольшой речки, плавно огибающей этот холм. И почти три года спустя, сидя за компьютером в своем тарусском доме, я живо представляю себе нежную майскую зелень ее берегов, фиолетовые гроздья глициний, свешивающиеся с каменной ограды какого-то дома, ярко-красные шапки герани в чьем-то саду, гибкие ветви плакучей ивы, склонившиеся над водой рядом со старым каменным мостом, по которому мы проезжали.

В этот городок в 80 км к юго-западу от Парижа мы приехали поклониться одной из самых чтимых христианских святынь — плату (покрывалу) Богоматери, хранящемуся в соборе Нотр-Дам-де-Шартр. В 876 г. король Карл II Лысый подарил этот плат местному епископу, заново отстраивавшему собор после разорения и сожжения города викингами. А через треть века, когда Шартр вновь обложили свирепые нор-

маны, шартрский епископ, надеясь на заступничество Девы Марии, вынес плат на городские стены, и произошло чудо — норманны смешались, а вышедшие из города воины обратили их в бегство. Норманнский предводитель Грольф-Ходок после этого обратился в христианство и, крестившись, женился на дочери короля франков, получив от него во владение Нормандию. В самом конце XII в., во время очередного страшного пожара, бушевавшего целых три дня, когда уже никто не верил, что в пламени уцелеет плат и оставшиеся в церкви служители, случилось еще одно чудо. Как только пламя стихло, на свет божий вышли священники, укрывавшиеся в крипте собора, и вынесли ковчежец с уцелевшей святыней. Тотчас после этого началось строительство нового храма — впервые во Франции посвященного Деве Марии — можно сказать, первого Нотр-Дама.

Освященный в 1260 г. собор стал одним из лучших достижений готической архитектуры и

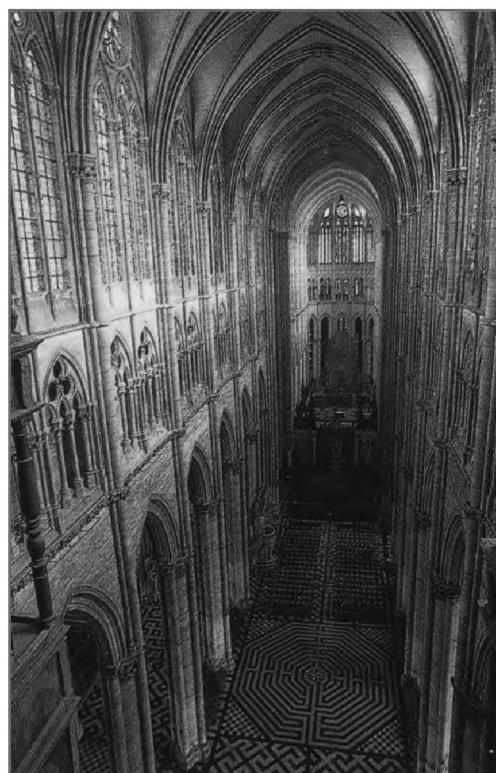

Плат Божьей Матери в Шартрском соборе

одним из величайших памятников христианского средневековья. К тому же, как утверждают путеводители, он сохранился лучше всех других готических храмов Франции, классическими образцами которых помимо шартрского являются соборы Реймса и Амьена. Особенно интересен западный Королевский портал храма, сохранившийся во время страшного пожара 1194 г. В центре левой его части в тимпане — Вознесение Иисуса Христа, в центральном тимпане Христос во славе, в правом Дева Мария с Младенцем Иисусом. Вокруг этих главных фигур ангелы, праотцы, пророки, апостолы. Выше три романских окна, витражи которых также повествуют о жизни Христа, а над ними огромное окно-роза с изображением Страшного Суда. А над ним, под самой крышей, галерея библейских царей, занимающая стену между двумя вознесшимися в небо готическими башнями-колокольнями. Великолепная скульптура украшает также северный и южный порталы храма и каменную резную стенку XVI в., окружающую хор. В ней около тысячи скульптур XVI — начала XVIII в.

Не менее, чем скульптура, знамениты древние витражи собора, площадь которых 2500 квадратных метров! Среди них особенно известна «Голубая Дева» — изображение Богоматери, чудом уцелевшее во время пожара 1194 г. Войдя из сияющего солнечного дня в полумрак храма, я обратил внимание на легкую голубизну, разлитую в воздухе. Солнечный свет, проникающий сквозь бесчисленные витражи, приобретает здесь мягкий, немного таинственный оттенок.

Поражает и величина собора. Головокружительна почти 40-метровая высота его центрального нефа. Его длина — 130 метров, ширина — 16 метров. Огромное пространство храма, его знаменитые витражи невольно притягивают взоры входящих вверх, а между тем под вашими ногами оказывается не менее известная достопримечательность — кольцевой лабиринт, выложенный черными плитками на бежевом (из известняка) полу главного нефа и занимающий почти всю его

Центральный неф Амьенского кафедрального собора

ширину. Правда, проходя между рядами стульев, загромождающих центр собора, я несколько раз обратил внимание на какие-то непонятные черные узоры. А вскоре одна из наших спутниц объяснила мне, что это лабиринт, символизирующий Крестный путь Христа, что длина лабиринта (около четверти километра) равна пути Спасителя на Голгофу. Потом в одном из путеводителей я прочел, что в средневековые паломники, отправлявшиеся в Сантьяго-де-Компостела*, начинали свой путь от Шартрского собора. И перед этим паломник должен был, творя молитвы, пройти на коленях этот лабиринт.

Недавно, когда я уже принялся за этот очерк, мне попалась любопытная книга о лабиринтах,

* Собственно говоря, в путеводителе, который мне попался, было просто сказано, что паломники из Шартра отправлялись в Сантьяго-де-Компостела. Почему именно туда — было неясно. «Нужно порыться в энциклопедиях или посмотреть в Интернете», — подумал я, но, как обычно бывает, отложил это на неопределенное время. И тут во время очередного посещения своего института я столкнулся в коридоре с коллегой — специалистом по Испании. «Валя, — остановил я его, — что такое Сантьяго-де-Компостела и почему туда ходили паломники?» Он-то и рассказал мне про то, что это городок в самом северо-западном углу Испании, в котором, как считается, захоронен святой Иаков (по-испански Сант-Яго). Являясь покровителем Испании, он, по местному преданию, незримо участвовал в трехсотлетней борьбе (Реконкисте) испанцев за освобождение своей страны от мавров, и поэтому у испанцев клич «Сант-Яго» стал чем-то вроде нашего «уря». В общем, этот святой был своего рода самым успешным крестоносцем. Видимо, этим можно объяснить тот факт, что, по свидетельству современников, паломничество на его могилу из Испании, а также из Франции, Германии, Англии и из остальной средневековой Европы было чуть ли не большим, чем в Рим. О г. Сантьяго-де-Компостела, напр., см: Мортон Генри В. Прогулки по Испании. М.; СПб., 2009. С. 488–510.

написанная американским автором Дэвидом Маккалоу. Немалая ее часть посвящена средневековым христианским лабиринтам, особенно шартрскому — старейшему и крупнейшему во всей Европе. Помимо Шартра лабиринты имелись и в ряде других кафедральных французских соборов, располагавшихся в окрестностях Парижа. Из них особенно известны собор в Реймсе, где короновали французских королей, и кафедральный храм Амьена. Интересно, что в отличие от Италии, где сравнительно небольшие церковные лабиринты, имея и религиозную и метафизическую значимость, оставались предметами, которыми в первую очередь любовались, огромные лабиринты французских храмов стали «священной тропой». Правда, смысл и цель их создания так до конца и не ясны. Судя по дошедшим от средневековой поры сведениям, в пасхальные дни лабиринт служил и местом танцев священников, сопровождавшихся игрой органа и пением. Но уже в XIII в. епископы стали осуждать это как пережиток язычества, а в начале XVI в. танцы, сопровождавшиеся еще и игрой в мяч, были официально запрещены на заседании парижского парламента. О том же, как использовался лабиринт в остальное (кроме Пасхи) время, никаких ранних сведений нет. Известно, что позднее, к середине XVIII в., многие лабиринты стали называться «дорогой в Иерусалим», подразумевая под этим, что прохождение по ним может заменить посещение Иерусалима, в котором паломники проходили по пути, считающемуся настоящей дорогой Христа. В заключение американский автор приходит к выводу, что все же «больше всего это (лабиринт. — С. С.) было похоже на дорогу в Иерусалим — и не в тот укрепленный город на холме в Иудейской пустыне, а в Новый Иерусалим, Град Божий, описанный в Библии как город, спустившийся с небес, „приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего“, или, по словам апостола Павла — «матерь всем нам».

Сейчас лабиринт шартрского собора закрыт от наших взоров рядами стульев, тенями и естественным желанием смотреть вверх на чудесные витражи. Средневековые же паломники, приходившие в Шартр поклониться покрывалу Девы Марии, не могли упустить лабиринт из виду. Лучи послеполуденного солнца, падавшие через огромные двери, ярко освещали круглый узор вулканического черного цвета, а стульев — отголоска Французской революции с ее духом свободы и равенства, воплотившимся и в возможности сидеть в храме не только духовенству и аристократии — тогда еще не было. Но, как пишет Дэвид Маккалоу, с недавних пор каждую пятницу шартрский лабиринт бывает открыт весь день. А поворотным моментом для его открытия стало утро 5 августа 1991 г., когда Лорен Артресс, молодая канонисса Сан-Францисского епископального собора, привела небольшую делегацию своей церкви в шартрский храм, и они, отодвинув стулья, выставили лабиринт на всеобщее обозрение и отправились по его тропе. За ними пошли и пришедшие в храм туристы, а возможно, и кто-то из местных прихожан. Именно после этого калифорнийского «десанта» лабиринт, который раньше открывали на несколько часов один раз в год — в день летнего солнцестояния, когда сюда тянулись толпы «подозрительных» (с точки зрения служителей собора) «идолопоклонников», стал доступен для полноценного осмотра каждую пятницу. Но мы были там в четверг! Сейчас лабиринт установлен и в Сан-Францисском соборе, а Лорен Артресс, называющая лабиринт «духовным орудием» и «дорогой к Богу», с того августовского утра в каждом своем выступлении говорит, что ее цель — «усесть мир» лабиринтами.

Но, кажется, я уж слишком отвлекся от своих православных спутников.

Плат Богоматери, поклониться которому приехали и мы, выставлен в капелле Святого сердца Марии в северной части обхода хора. Ее нам открыл молодой чернокожий священник собора. Святыня оказалась бежевой шелковой тканью*, хранящейся за стеклом реликвария, сделанного в 1876 г. к празднованию 1000-летия ее обретения. Во время службы, которую вел отец Илия, многие туристы, заслушав церковное пение, осторожно подходили взглянуть, что за люди стоят со свечами в руках, и что тут происходит. «Ортодокс, ортодокс» — несколько раз донеслось до меня тихо и, как мне показалось, почтительно произнесенное слово. И, честно говоря, в эту минуту в моей душе поднялась волна теплой радости от какой-то и своей причастности к этой маленькой группе молящихся соотечественников. И немного смущенный и растроганный этим чувством, я не достоял до конца службы и вышел из храма.

До сих пор жалею, что не поднялся на колокольню Шартрского собора. Представляю, какой великолепный вид открылся бы оттуда! Но об этой возможности я узнал от своей вездесущей

* В 1927 г. покров был подвергнут экспертизе, которая показала, что ткань, потерявшая цвет от времени, предположительно изготовлена в I в. н.э.

Город Шартр

соседки слишком поздно — в это время мы уже ехали в автобусе, покидая этот чудесный, почти сказочный городок. В тот день мы еще побывали в одном из наиболее знаменитых замков долины Луары — Шамборе, охотничьем замке французских королей, в проектировании которого, по некоторым данным, принимал участие Леонардо да Винчи. Кстати, Луара в том месте, где мы ее переезжали, оказалась очень похожа на Оку около Серпухова. Те же песчаные отмели и поросшие ивняком берега.

Утром 5 мая мы отправились на широко известное у нас теперь русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, находящееся к югу от Парижа. Я все тревожился — увидим ли мы могилу Бунина, и даже спросил об этом Лешу. «Не беспокойтесь, — ответил он — обязательно увидим, она совсем недалеко от входа».

Когда мы подъехали к кладбищенским воротам и вышли из автобуса, с неба упало несколько капель — единственный раз за всю нашу поездку — но дождь, на наше счастье, так и не состоялся. Тут нас встретила Татьяна Борисовна, уже весьма пожилая женщина, давняя знакомая Леши, согласившаяся провести нас по кладбищу. Она обнялась с ним, потом взяла благословение у нашего пастыря, поздоровалась со всеми и охотно рассказала, что живет она тут же, в этом сравнительно далеком (25 км от центра) приго-

роде, что только недавно (после перелома ноги) начала ходить и добралась сюда «von на том драндулете» — показала она нам на свою маленькую, старенькую машинёшку. Пока мы дошли до кладбищенской церкви, выстроенной по проекту Аполлинария Бенуа и им же (вместе с женой) расписанной, мы узнали ещё, что отец Татьяны Борисовны был офицером, бежал из России после гражданской войны, вскоре женился, и она родилась уже здесь, во Франции. «Мы все время жили для России, как могли, берегли для нее всё, в том числе и это — она кивнула на церковь и на кладбище — и рады, что теперь здесь бывает так много людей из России». На чей-то вопрос — была ли она у нас — она живо ответила: «Да, я два раза была в Москве и однажды в Петербурге. Мне понравилось». «Но, знаете, — как будто извиняясь перед нами, добавила она, — уехать нам в Россию уже невозможно, мы всю жизнь прожили здесь, тут уж и умрем». После этих слов немного помолчала и сказала: «Конечно, мы очень благодарны Франции, она нас приютила, это наша вторая родина. Правда, французы не всегда хотят вспоминать, сколько труда вложили в эту землю русские. Где только они не работали — на заводах, в шахтах, на стройках».

У маленькой, чудесно расписанной кладбищенской церквушки она обратила наше внимание на небольшое легкое строение, стоящее непо-

далеку. Оказывается это трапезная, в которой не раз собирались и сейчас собираются русские люди после похорон, а еще чаще на «родительскую». «Но не только русские, бывали и французы, а особенно часто француженки — казачьи жены, — сказала Татьяна Борисовна. — Многие казаки, оказавшись во Франции, по своей крестьянской привычке потянулись к земле. Немало их и переженилось на деревенских француженках. Потом, уже в 60—70-е годы начали казачки помирать, многих здесь и похоронили, и французские их жены стали приезжать к ним на могилы. Они и нашу „родительскую“ уже знали. Навезут с собой овощей, мяса, сыра — здесь приготовят, и такие застолья у нас с ними бывали! Но теперь уж и их нет, собираются в основном наши старички — помянуть родных».

А когда пошли по кладбищу, то Татьяна Борисовна чуть ли не у каждой могилы рассказывала о захороненном в ней как о своем старом знакомом. Она и действительно знала при их жизни чуть ли не половину вечных постояльцев кладбища. Известно, что на здешних надгробьях можно прочесть немало значимых для русского слуха имен, в том числе и тех, о ком до недавнего времени мы слышали только как о злейших врагах советской власти. Правда, гораздо больше тут лежит безвестных сторонников Белого движения. Есть и настоящие братские мемориалы — дроздовцам, например, или артиллеристам Войска Донского. Но, откровенно говоря, мне гораздо интереснее было увидеть места упокоения наших писателей, художников, артистов.

Могилу Бунина я узнал издали. Сколько раз я видел фотографию этого скромного надгробья, под стать почти нищему на старости своих лет первому нашему Нобелевскому лауреату. Запомнил по фотографиям и этот суровый каменный крест, подобный крестам на могилах русичей, полегших на Псковской земле еще во времена битв с тевтонскими рыцарями. Писатель Леонид Зуров — близкий с Буниным человек — сам пскович, будучи в 1920-1930-е годы не один раз в Псково-Печерских краях (между двумя войнами эти места находились в пределах Латвии), однажды послал Бунину открытку с изображением креста на Труворовском городище. Крест этот очень понравился Ивану Алексеевичу, и после его смерти Вера Николаевна Бунина-Муромцева попросила Аполлинария Бенуа нарисовать подобный крест для каменных дел мастера. Так что, к сожалению, ошибся покойный уже Астафьев, назвав в одной из своих «затесей» бунинский крест лютеранским, хотя и впрямь не похож он на тесно обступившие его и так при-

У входа в храм на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

вычные для нас восьмиконечные кресты соседних могил. На мраморной дощечке у подножия креста с упрямым бунинским «ять» выведено — «Иванъ Алексеевичъ Бунинъ», а на второй дощечке пониже «Вера Николаевна Бунина». Могила, обрамленная бетонным цоколем, засажена фиолетовыми анютиными глазками.

Поверх табличек на цоколе креста стоял застекленный фонарь со свечой, лежали три пасхальных яйца, и стояло небольшое блюдце, почти наполовину заполненное монетами. «Это туристы оставляют, чтобы еще раз сюда вернуться, — заметила Татьяна Борисовна. — Конечно, это не православный обычай, но людям так хочется».

Я постоял немного у заветной могилы и вспомнил давно запавшие в душу строчки:

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного
спросит:*

*«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.*

Надгробье могилы И. А. Бунина

Неподалеку растут две или три сосны, и земля (вернее, гравий, ее покрывающий) у бунинской могилы усыпана шишками. Невзирая на суеверие — ничего не уносить с кладбища, я поднял одну шишку и положил в карман.

Подойдя к могиле Ремизова, Татьяна Борисовна заметила: «Он ведь чудак был, „обезьяня палата“ и прочее. Вот и после смерти это продолжается. У их могилы (тут и жена его лежит) две березы растут, и посмотрите вверх, видите — между ними протянута веревка. Колдовство какое-то».

А крест у них на могиле из красноватого в черных пятнышках гладко отшлифованного гранита.

На могиле Мережковских маленькая, овальная, как бы повторяющая контур церковной главки стела, увенчанная маленьким синим подобием церковной же луковки с крестом. На стеле копия Рублевской «Троицы», над которой полукругом молитвенные слова: «Да приидет царствие Твое».

У Виктора Некрасова тоже каменный крест — темный, полированный, блещущий солнечными зайчиками, а на его могиле стояли вытянувшиеся стебли ирисов с еще нераспустившимися бутонами.

Мы ходили по кладбищу больше двух часов. Татьяна Борисовна готова была ходить и рассказывать еще, но Леша уже стал намекать, что пора заканчивать — к трем часам мы должны были поспеть в собор Парижской Богоматери, где

каждую пятницу бывает служба с выносом тернового венца Христа.

На прощание наш общепризнанный интеллигент Николай Васильевич сказал от всех нас несколько проникновенных слов, поблагодарил Татьяну Борисовну за увлекательную экскурсию и (как филолог) за великолепный русский язык, который она сохранила вдали от России на зависть многим из нас. А запасливые женщины подарили коробку московских конфет и собранные незадолго до этого (кто сколько мог) «еврики», на что наш экскурсовод засмеялась и сказала: «От этого не откажусь, я, как русская бабушка, должна еще и внукам помогать».

Когда мы в толпе туристов вошли в Нотр-Дам, служба еще не началась, но видно было, что пришедшие на нее люди уже рассаживались на стульях, занимающих большую часть отгороженного от туристов пространства центрального нефа. Мы во главе с отцом Илией расположились на одном из передних рядов, поближе к алтарю. Нужно сказать, что в современных католических церквях алтарь установлен не в традиционном старом хоре, окруженному, как правило, резной скульптурной решеткой, а ближе к прихожанам, на возвышении — чем-то напоминающем эстраду, где стоит кафедра (или две — как в соборе Парижской Богоматери) для проповеди и несколько стульев для священников. Усевшись, я заметил, что на столе, стоящем на ближнем к нам краю алтаря, уже лежал закрытый стеклянным футляром Терновый Венец. Ожидая увидеть его темным, иссущенным тысячелетиями, я не сразу понял, что этот причудливо изогнутый, блестящий позолотой предмет и есть тот мученический Венец.

Церковные служки прошли по рядам прихожан, раздавая какие-то листочки, напечатанные по-французски. Откуда-то сбоку вышли на возвышение священнослужители — один старый, в нарядном зеленом одеянии, кажется, епископ Парижский и молодой темнокожий священник. За ними в своей черной, подпоясанной кожа-

ным ремешком рясе появился и отец Владимир. Молодой священник и отец Владимир сели на стулья, а епископ встал за кафедру. На минуту вознеслись к высоким сводам звуки органа и смолкли. Епископ стал что-то говорить, потом немного прочел по большой старой книге (должно быть, Евангелию), вышел из-за кафедры и сел. Вновь зазвучал орган, и люди запели, изредка заглядывая в листочки. Потом говорил молодой темнокожий священник. И опять вступил орган, и раздалось пение.

Так продолжалось не меньше часа. Под конец епископ дал слово православному священнику. Отец Владимир сказал — вначале на французском, а затем по-русски — что на службе присутствуют русские паломники, приехавшие поклониться великой христианской святыне. А потом уже по-русски пояснил, что порядок при поклонении поддерживают рыцари Святого Креста, и их указания (если они будут) нужно выполнять беспрекословно. Только тут я понял, что те пожилые мужчины в белых и зеленых хламидах, с нашитыми на них большими крестами и с какими-то жезлами в руках, стоявшие по обе стороны возвышения, и есть эти самые рыцари. Затем, уже не помню кто, снял стеклянный футляр с венца, и епископ со священниками приложились к нему. Потом святыню, сопровождающую с двух сторон рыцарями, вынесли с алтарного возвышения и поставили на церковный пол между этим возвышением и первым рядом стульев. И сразу выстроилась цепочка людей, желающих приложиться к венцу. И уже первые верующие, опустившись на колени, крестились и целовали его.

— А мы что, тоже пойдем? — забеспокоилась Людмила, сидевшая рядом со мной, в то время, когда наши паломники уже направились к святыне.

— Кто же нас неволит, можно и не ходить.

— И что делать?

— Уйти.

Благо сидели мы с краю, то и встали потихоньку и вышли через калиточку в оградке, а за ней смешались с притихшими туристами, любопытно взирающими на редкий обряд.

Выйдя из собора, стали думать, куда бы еще сходить в оставшиеся часы последнего для нас парижского дня. И тут я вспомнил, как будто бы одна российская деваха, выйдя вот так же из собора, сказала своим спутникам: «Ну, хорошо, в соборе Парижской Богоматери мы побывали, пойдем теперь в Нотр-Дам». Я рассказал анекдот Людмиле, но ей было не до шуток. Она собралась еще куда-то бежать, что-то смотреть и

вернуться в гостиницу уже поздно — на «рере». Мне же хотелось спокойно пройтись неподалеку, где-нибудь посидеть и доехать домой на нашем «вечернем» автобусе.

Правда, с утра у меня были наполеоновские планы — накануне вечером Леша по моей просьбе нашел в своем толстом парижском атласе улицу Жака Оффенбаха, где до самой смерти жили Бунины, и даже нарисовал мне на листочке, как добраться туда от ближайшей до нее станции метро. Вначале мы пытались найти ул. Оффенбаха, но такой не оказалось. Я уж совсем было приуныл, и вдруг меня осенило: «Леша, давай посмотрим на Жака Оффенбаха!». Теперь Лешин план лежал у меня в кармане, номер дома я узнал еще до поездки во Францию. Но сейчас мне уже расхотелось идти в метро, ехать в толпе до нужной станции, в спешке искать улицу, дом, в спешке возвращаться. Не успеешь толком оглянуться, походить по ближайшим улицам — вот булочная, куда, наверно, ходила Вера Николаевна, вот аптека, вот сквер, что-то там еще...

Вместо этого я развернул карту и, приглядевшись, понял, что совсем недалеко от Нотр-Дама находятся Сорbonна, Пантеон, а где-то в том же направлении и Монпарнас.

Перейдя по мосту через южный узкий рукав Сены, я вскоре набрел на какие-то античные развалины, лежащие в довольно глубоком котловане, отгороженном от улицы высокой металлической решеткой. Заглянув в свою карту, я понял, что это известные термы Клюни. Где-то неподалеку должен быть и одноименный музей средневекового искусства.

А чуть дальше пошли корпуса Сорбонны. Тут можно было и не заглядывать в карту — навстречу шли кучки веселой молодежи, а изредка среди них невольно бросались в глаза привлекательно озаренные мыслью лица мужчин то средних лет, а то и постарше, скорее всего университетских преподавателей и профессоров. А на одной из улочек, подстелив под зад картонки и занимая собой весь узкий тротуар, сидели два весьма благоухающих клошара — тоже обычная примета Латинского квартала. Чтобы обойти их, пришлось сойти на брускатку мостовой.

Как-то неожиданно я вышел на площадь, в центре которой величественно возносится купол Пантеона. Высоко, на треугольном барельефном фронтоне, покоящемся над колоннами его монументального портика, запечатлены торжественные слова: «Великим людям — благодарная отчизна». Но потом из путеводителя я узнал, что первоначально, до Великой Французской революции, это была королевская церковь, посвященная

святой Женевьеве* — покровительнице Парижа, спасшей в 451 г. город от нашествия гуннов во главе с грозным Аттилой. А революция превратила церковь в усыпальницу «великих людей». Честно говоря, снаружи здание показалось мне скучно-казенным и даже не вызвало желания войти внутрь. А на обратном пути в том же Латинском квартале, но уже ближе к Сене я нечаянно наткнулся на вывеску и витрину русского эмигрантского издательства «Имка-пресс», не обозначенного ни в каких путеводителях, но в советское время сыгравшего (наряду с франкфуртским издательством «Посев») немалую роль для нашего духовного просвещения. Поглядел на обложки новых книг, выставленных в витрине, и погоревал, что час уже поздний и издательство закрыто.

Покидая остров Сите, хочу еще добавить, что в один из дней пребывания во французской столице я попал и в находящуюся в этой древнейшей части Парижа знаменитую Святую капеллу (Сент-Шапель), перед которой всегда стоит длинная очередь туристов. Полюбовавшись на ее великолепные витражи, я только вечером, вернувшись в гостиницу и заглянув в свой путеводитель, уразумел, что она названа Святой потому, что создана была именно для хранения священных реликвий, связанных с Христом и Богоматерью, в том числе и тернового венца. А попал он во Францию в 1239 г., когда Людовик IX, бывший очень набожным человеком, купил у императора Латинской империи Бодуэна II святые реликвии Страстей Господних, в том числе и венец. К этому моменту очень нуждавшийся в деньгах Бодуэн заложил эти святыни венецианским купцам, а вернуть долг ему было нечем. Через два года император продал Людовику еще и фрагмент истинного Креста, а также несколько святынь, оставшихся от Богоматери. Кстати говоря, Людовик IX принимал участие в двух крестовых походах и оба раза неудачно для себя. Во время седьмого Крестового похода, направившись в Египет, он попал в плен и был выкуплен за громадную сумму, а спустя полтора десятка лет король организовал восьмой, ставший последним крестовый поход — на сей раз в Тунис, где он, как и большинство его рыцарей, умер от чумы. А в 1297 г. Церковь (Католическая. — Ред.) причислила его к лику святых.

Для хранения выкупленных святынь Людовик и задумал построить специальную капеллу, освя-

щенную в 1248 г. Она стала настоящим шедевром монументального ювелирного искусства. Капелла разделена на два уровня. Особенno великолепна верхняя капелла, освященная во имя Святого Креста. В ней, вместо стен, сказочной красоты витражи. Здесь же в Великой раке, изготовленной из серебра и позолоченной меди, хранились наиболее ценные реликвии. Капелла Святого Креста находилась на одном уровне с королевскими покоями, размещавшимися тогда в замке Консьержери. В ней молилась королевская семья и наиболее приближенная к ней знать, а каждую Страстную Пятницу король устраивал торжественный вынос истинного Креста. Нижняя капелла, освященная в честь Девы Марии, предназначалась для придворных, дворцовой гвардии и слуг.

Во время Великой революции Сент-Шапель была осквернена и долгое время служила архивом. К счастью, хранившиеся там святыни были переданы в кабинет древностей. Осквернен был и Нотр-Дам. Толпа снесла головы библейским царям, приняв их за французских королей (их нашли недавно при археологических раскопках, и они хранятся в музее Клюни), а колокола и церковную утварь переплавили. Собор хотели разрушить, но у Робеспьера родилась идея превратить его в «храм богини разума».

Интересно, что Бунин в 1924 г. написал рассказ «Богиня разума» — один из немногих у него на французскую тему. Намучившись в «окаянные годы» российской революции, он живо откликнулся и на французскую, хотя и давнюю, но не менее жестокую. А рассказ его — о несчастной судьбе давно забытой оперной артистки Терезы Анжелики Орби, которой в ноябре 1793 г. выпала доля исполнять роль Богини Разума под сводами древнего храма. Сто лет спустя после ее смерти Бунин, отправившись взглянуть на могилу артистки на Мормартрском кладбище, понял, что никто из кладбищенских служителей не знал ни о какой госпоже Орби, и он лишь случайно наткнулся на простой полуразрушенный памятник на месте ее захоронения.

Собор же Парижской Богоматери заново освятили в 1802 г. Два года спустя в нем прошла коронация Наполеона, но храм еще долго находился в плачевном состоянии. Лишь после появления в 1831 г. романа Гюго «Собор Парижской Богоматери» французы осознали, что парижский Нотр-Дам — главный символ Франции.

* В ее честь назван и парижский пригород, где находится русское кладбище — в этом месте, по преданию, была пещера, в которой святая некоторое время вела отшельническую жизнь.

В 40-е годы позапрошлого века прошла комплексная реконструкция собора (именно тогда появилась здесь знаменитая галерея химер) и окружающей его территории. В собор были переданы и святые реликвии, хранившиеся до революции в Сент-Шапеле.

Шестого мая мы отправились из Парижа назад, домой. По дороге должны были заехать в Амьен, в кафедральном соборе которого хранится лицевая часть главы Иоанна Крестителя, а затем, уже в Германии, — в Кёльн, в соборе которого находятся мощи волхвов, когда-то приведенных звездой в Вифлеем Иудейский (был еще Вифлеем Галилейский), на поклонение Младенцу Иисусу.

От Парижа до Амьена немногим более 100 км. Дорога идет почти прямо на север. Вскоре по выезде из столицы начались леса. Это остатки большого Галльского леса, некогда простиравшегося от Парижа до восточной границы Франции. А в Пикардии, центром которой является Амьен, раскинулся на многие километры известный Компьенский лес. Но, конечно, здешние леса уже давно далеко не дикие. Равнины, раскинувшиеся между Сеной с юга, Соммой с севера и Уазой с востока, уже с XVIII в. полностью вовлечены в сельскохозяйственный оборот.

Неширокая извилистая дорога то и дело пробегала мимо ухоженных деревень, огромных, еще цветущих садов, каких-то небольших городков. И везде много мемориальных памятников — в годы Первой и Второй мировых войн здесь шли жестокие бои. В эти войны сильно пострадал и Амьен — в 1918 г. он оказался в самом центре последнего сражения на реке Сомме, когда погибло несколько сотен тысяч человек. В 1940 г. город был охвачен сильнейшими пожарами и был разрушен более чем наполовину, так что сейчас знаменитый Амьенский собор, оставшийся, к счастью, невредимым, окружен современными, правда, малоэтажными зданиями.

Есть предание, что в середине IV в., в окрестностях Амьена, бывшего тогда небольшим галло-римским поселением, молодой римский легионер встретил холодным зимним вечером замерзающего нищего. Он снял с себя плащ, рассек его своим мечом и отдал половину бродяге. Эта встреча так повлияла на воина, что он покинул императорскую службу и посвятил себя Богу. Приняв впоследствии духовный сан, он при посвящении был наречен Мартином, стал епископом Тура,

после смерти его канонизировали, и ныне он известен как святой Мартин (французы говорят «Мартен»), покровитель Франции.

Амьенский собор, который, как и многие кафедральные храмы Франции, посвящен Богоматери, называют «французским Парфеноном» за гармоничность этого великолепного сооружения XIII в. Главную его святыню — часть главы Иоанна Крестителя — привез в 1206 г. в Амьен каноник Валлон де Сартон, участвовавший в четвертом крестовом походе (1202—1204 гг.). Как известно, во время этого похода крестоносцы захватили и разграбили христианский Константинополь*. Именно тогда в развалинах одного из дворцов Валлон де Сартон нашел футляр, в котором находилось серебряное блюдо. На нем под стеклянным колпаком были останки человеческого лица без нижней челюсти. Над левой бровью виднелось маленькое отверстие, вероятно, пробитое кинжалом. Греческая надпись на блюде гласила, что каноник стал обладателем мощей Иоанна Предтечи. А отверстие над бровью соответствовало факту, упомянутому святым Иеронимом, — о том, что Иродиада в приступе гнева нанесла удар кинжалом по отрубленной голове Иоанна Крестителя.

В третье воскресенье Рождественского поста 1206 г. амьенский епископ Ричард Герберойский торжественно встретил мощи Иоанна Предтечи при въезде в город. С этой поры и начинается почитание главы святого Иоанна в Амьене и по всей Пикардии. А вскоре благодаря этой священной реликвии Амьен стал оживленным паломническим центром наряду с Кентербери, Сантьяго-де-Компостелой, Римом, Иерусалимом и другими святыми местами того времени. Помимо рядовых христиан Амьен стал местом паломничества и особ французского королевского дома. Первым для почитания честной главы приехал сюда в 1264 г. святой Людовик — король Франции. Позднее приезжал его сын — Филипп III, затем Карл VI и Карл VII, которые сделали большие приношения для украшения мощей. А в 1604 г. римский папа Климент VIII просил у амьенских каноников частицу мощей Иоанна Крестителя для Предтеченской церкви в Риме.

Во время Великой Французской революции представители Конвента сняли все драгоценности с мощей Иоанна Предтечи, а саму главу приказали захоронить. Однако амьенский мэр тайно забрал мощи к себе в дом, а в 1816 г. глава была

* Сохранились интересные мемуары об этом походе, написанные его участником и военачальником Жоффруа де Виллардуэном. См.: *Виллардуэн Жоффруа де. Взятие Константинополя. Песни труборов. М., 1984.*

возвращена в собор. В конце XIX в. историки и ряд церковных деятелей признали, что в средневековые было немало случаев подлога мощей. В результате возникшего общего недоверия почитание амьенской святыни стало понемногу затухать.

В Амьен мы приехали уже не ранним утром. День выдался немного пасмурный. Воздух был немного сыроватым, чувствовалось, что где-то неподалеку течет тихая низменная река. Автобус остался на стоянке, осененной несколькими старыми тенистыми деревьями. Сбоку над ними высилась причудливая громада собора. Обойдя мощенную камнем площадку перед храмом, я остановился за несколько десятков метров перед его главным западным порталом, чтобы охватить взором все огромное, но столь изысканно сформированное, а лучше сказать, изваянное здание со множеством арок и арочек, колонн и шпилей, с сотнями скульптур, как сотами украшающих входы в главный и боковые нефы, и еще выше поднимающихся по стенам собора то отдельными фигурами, то поясом, тянущимся во всю ширину стен, над которым в центре возвышается огромное окно-роза, а по бокам начинаются сквозные пролеты двух башен-колоколен. И по углам этих башен и на самом их верху тоже виднеются фигуры не известных мне святых.

Величину собора хорошо ощущаешь и внутри его. Высота сводов главного нефа — 42,5 метра! Такой высоты не достигает ни один французский храм. При этом длина нефа равна почти 150 метрам. И, несмотря на такую громаду, благодаря сплошным аркадам, соединяющим центральный неф с боковыми, а также высоким стрельчатым окном, уходящим под самые своды, создается ощущение удивительной легкости и свободного пространства. Как и в шартском соборе, неподалеку от входа на полу главного нефа устроен лабиринт из черных и белых камней. Но в отличие от шартского он не круглый, а восьмиугольный, как и большинство лабиринтов французских средневековых храмов — например, Реймского собора, где короновали королей Франции. Связано это, видимо, с тем, что во всем христианском мире восьмигранник и цифру «8» ассоциируют с Богородичной звездой. В боковых базиликах сохранились интересные бронзовые надгробия над захоронениями некоторых епископов XIII в., по инициативе которых велось строительство храма.

Глава Иоанна Предтечи (темная, почти черная, с остатками волос) ныне хранится в специальной, закрытой решеткой и тускло освещённой нише в стене собора. А на стене левого нефа есть

интересная скульптура проповедующего Иоанна Крестителя в окружении внимавших ему людей. Цветная скульптурная группа выполнена неизвестным автором в XVI в. в технике высокого рельефа.

Амьен, как и Шартр, несмотря на знаменитость своих соборов, все же находятся (и, на мой взгляд, к счастью) несколько в стороне от главных паломнических мест современности. Под их сводами не бродят громадные толпы туристов, какие мне довелось видеть и в соборе Парижской Богоматери, и в страсбургском Нотр-Даме, и в кёльнском соборе святого Петра и Марии. Но и в полупустых и в переполненных туристами храмах я всегда думал, что время, оставившее эти замечательные сооружения, когда-то наполненные святым, тайным смыслом и заполнившиеся множеством прихожан и паломников, безвозвратно ушло. И мы можем лишь только попытаться понять и как-то почувствовать его. Но в тихих, не столь посещаемых туристами храмах это, кажется, удается лучше.

Вскоре отец Илия начал службу у амьенской святыни. Собор был почти пуст, и внимание редких туристов, как и в Шартре, опять невольно привлекли горящие свечи в руках наших паломников и их тихое строгое пение.

После службы у нас оставалось больше двух часов до отъезда, и все разбрелись по городу. Я отправился по улочкам, идущим от храма вниз, видимо, в сторону недалекой отсюда Соммы. Раз или два пришлось перейти по мостикам узенькие каналы. В одном месте я заметил,

Глава св. Иоанна Крестителя

Ортилоннаж — старинный р-н в Амьене

как с одного более высокого берега канала наклонно переброшен легонький мосток, спускающийся от калитки в каменной садовой ограде к какому-то не видимому мне (из-за дома, загораживающего обзор) месту на противоположной стороне канала.

А вот и сама река — не очень широкая, тихая, в низких берегах, с медленным, почти незаметным течением. Я немного прошелся по полупустой, несмотря на субботний день, набережной, от края которой до уреза воды было не больше четверти метра. Прилегающий к ней сквер любовно обсажен липами, какими-то кустами, среди которых обильным цветением выделялась сакура. И над всей этой еще свежей, майской зеленью то и дело высился серо-зелеными готическими шпилями пирамидальные тополя. На противоположном берегу, у пристани, где стоял небольшой плоскодонный прогулочный катер, народу было побольше.

Дойдя до старого каменного моста, я перешел на противоположный берег. Еще с моста было видно, что дальше, выше по реке, на том берегу, куда я направлялся, начинается какой-то необычный район города, густо прорезанный очаровательными узкими, затененными ивами каналами. Среди его садов проглядывали красные черепичные крыши небольших домов. А по одному из этих каналов, не спеша, плыл маленький

катер. «Видимо, это тот самый „Ортилоннаж“ (садоводство), о котором написано в моем путеводителе», — подумал я. Там сказано, что еще в средние века пригородные крестьяне освоили около 300 га пойменных лугов и болотистых берегов Соммы, прорезав их дренажными каналами и поделив на маленькие участки. Выращенные на них овощи и фрукты они продавали жителям Амьена на рынках или прямо с лодок. Со временем за этим районом и закрепилось название Ортилоннаж.

Спустившись с моста, я пошел по узенькой асфальтовой дорожке вдоль берега и вскоре увидел вполне привычную для нашего российского глаза картину. На скамейке у берега реки сидела блаженная, уже чуть подвыпившая пара. У него и у нее немножко помятые лица и одежда, но, судя по всему, они вполне довольны и друг другом, и сегодняшним днем, и своей жизнью. На травке у их ног стояла початая бутылка вина, а сбоку лежала довольно большая, лохматая, на вид добродушная и тоже довольная жизнью собака. Я приветливо кивнул им головой, они с улыбкой ответили мне тем же.

Я не спеша, продолжил свой путь, и вскоре слева появился узенький канал, так что дорожка уже тянулась по неширокой полосе между Соммой и этим каналом. За каналом среди зелени садов виднелись дома, к которым вели повисшие

над узким руслом разнообразной формы мостики — то в виде легкой ажурной арки, то просто бетонные, то затейливо выложенные из камня. У входа на некоторые из них были калитки с замком. На противоположном же берегу Соммы дома стояли плотно, почти примыкая друг к другу, а узенькая, покрытая травой полоска между ними и берегом реки была чуть шире метра. Машины к этим усадьбам, видимо, подъезжают сверху со стороны города. А напротив некоторых домов к берегу причалены катера, иной раз, судя по их виду, довольно дорогие.

На обратном пути блаженной парочки с собакой я уже не увидел. Но, перейдя мост, я вскоре заметил своих знакомцев с их лохматой собакой в компании с еще двумя подобными им личностями. И глядя на них, я подумал, что в нынешней чистенькой, дисциплинированной и благопристойной Европе они, быть может, являются нам еще кое-где уцелевшие останки уже почти ископаемого для наших дней типа простонародных гуляк, столь широко запечатленных многими художниками Северного Возрождения.

Размышляя на эту тему, я неожиданно подошел к живописному крестьянскому (или, если угодно, фермерскому) рынку, расположившемуся на набережной Соммы. Как это обычно бывает в небольших европейских городках, по субботам где-нибудь на ратушной площади, а здесь вот на набережной (судя по всему в Амьене это традиционное место крестьянской торговли) местные крестьяне продают свои продукты — овощи, фрукты, соленья, сыры, мясные изделия, хлеб и прочее. Не собираясь ничего покупать, из чистого любопытства я пошел вдоль рядов. И тут среди женщин с большими кошельками, закупавшими снедь на всю неделю, мое внимание привлек интеллигентного облика мужчина средних лет с небольшим чемоданом на колесиках, выдвижную ручку которого он держал одной рукой, в то время как другой показывал на что-то пожилому упитанному фермеру в белом фартуке, торговавшему мясными изделиями. Подойдя поближе, я понял, что покупатель явно не француз, поскольку объяснял продавцу, что ему нужно, с помощью улыбок и указующего перста. Напоследок он остановился на лоснящемся от жира свином русле, внутренность которого была плотно набита чем-то вроде твердого холодца. И показав на русле, иностранец, расставив большой и указательный пальцы, объяснил фермеру, какой толщины кусок он хотел бы купить. Продавец отрезал большим острым ножом заказанную часть русле, завернулся его в вощеную бумагу и взвесил. Соблазнившись аппетитным видом и чудесным чесночным запа-

хом русле, я решил пойти по уже проторенному пути улыбок и жестов. Несколько снисходительно улыбаясь мне в ответ (что поделаешь с этими иностранцами), крестьянин отрезал ломоть указанной толщины, а я отдал ему — не помню уж и сколько — евро и получил аккуратно подсчитанную сдачу. В добавок к руслу я купил и половину небольшого черного каравая и в предвкушении сытной закуски пошел в сторону собора.

От Амьена мы двинулись на восток — в сторону Германии. При этом успели проехать и через Бельгию, о чем так бы и не узнали (ни пограничников, ни таможенников!), если бы об этом не сказал Леша, следивший за дорогой по карте. В Германию, судя по дорожным указателям, въехали где-то в районе Ахена. А за окнами еще некоторое время виднелись невысокие отроги каких-то гор, основной массив которых остался в Бельгии. Ночевали в небольшой гостинице в придорожном поселке к югу от Кельна. Из окна моего номера были видны сосны, полоса которых отделяла поселок от неширокого шоссе.

Ранним утром 7 мая отправились в Кельн, чтобы поклониться последней на нашем паломническом маршруте святыне — мощам трех волхвов, хранящимся в тамошнем кафедральном храме. В нем всегда полно туристов, по крайней мере, так было все три раза, когда я туда попадал. Думаю, прежде всего это связано с тем, что он стоит рядом с вокзалом — от вокзальных до церковных дверей не больше тридцати-сорока метров. Понятно, что это удобно для людей, специально приезжающих ознакомиться с кельнскими достопримечательностями, среди которых собор, пожалуй, самая главная. Но нередко и обычные пассажиры (сужу об этом и по себе), для которых Кельн — просто место пересадки с одного поезда на другой, чтобы скратить время до посадки на следующий поезд устремляются в знаменитый храм. Поэтому в нем нередко можно увидеть людей с чемоданом на колесиках — привычной принадлежностью нынешнего путешественника.

И в то майское утро, когда еще был закрыт расположенный на задах собора музей современного искусства (еще один притягательный для туристов объект), где в то время была большая выставка, не помню уж, то ли Дали, то ли Модильяни, собор был полон. Молебна у гробницы волхвов у нас по какой-то причине не получилось. Может быть, Леша, отлично ориентировавшийся во Франции, не сумел предварительно договориться с местными священниками, или из-за его плохого знания немецкого произошла какая-то путаница. Честно говоря, я тогда этим не поинтересовался.

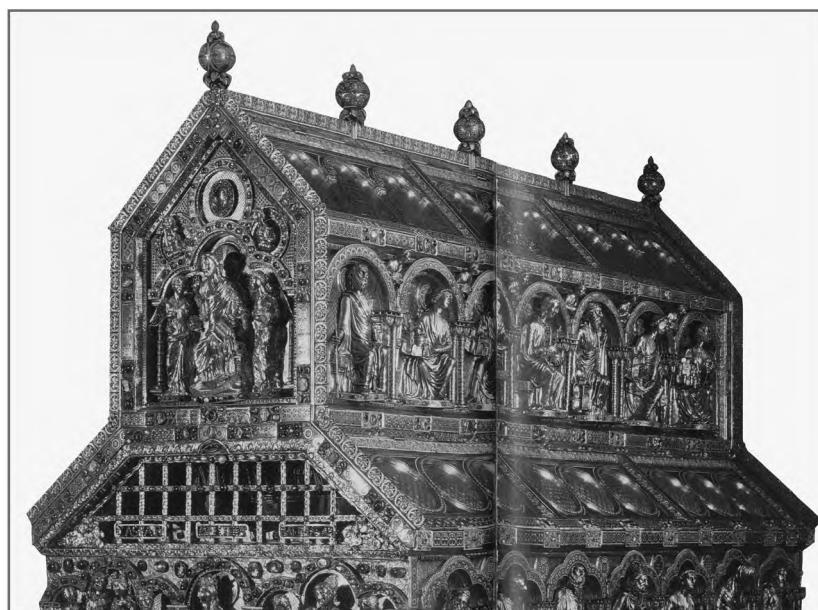
И без молебна в огромном соборе было что посмотреть, правда, на раку волхвов (или «трех святых королей», как их называют немцы), о культе которых в Германии я тогда ничего толком не знал, особого внимания и не обратил.

Позже я узнал, что даже в гербе Кёльна изображены три короны, символизирующие тот факт, что в его главном храме с XII в. хранятся мощи трех волхвов. Легенды, восходящие к VI в., превратили волхвов-«звездочетов» и волхвов-«мудрецов» в «восточных царей», и в западной традиции их стали называть «святыми королями». Библейская история умалчивает о числе волхвов, их именах, происхождении, времени их появления в Вифлееме. На Западе же распространено мнение, что поскольку даров-сокровищ, преподнесенных Младенцу Христу, было три, стало быть, столько же было и волхвов. По преданию, их имена — Мелхиор, Гаспар и Валтасар. Седобородый Мелхиор принес Господу золото, румяный, безбородый юноша Гаспар — ливан (ладан), а средних лет смуглый лицом муж Валтасар — смирну*. По некоторым данным, их имена впервые упоминаются в VIII в., согласно другим — еще в VI в. В западной традиции (судя по иконам и другим изображениям), очевидно, считают, что поклонение волхвов произошло не на первой неделе после Рождества Христова, а в то время, когда божественному Младенцу было не менее двух лет, о чем можно судить и по приказу Ирода об избиении всех младенцев в Вифлееме и его округе «от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Мф. 2, 16).

По преданию, вернувшись в родные места (а пришли они, судя по той же легенде, из Персии), волхвы приняли христианство и стали возвещать людям об Иисусе Христе, строить в его честь храмы. Согласно церковному преданию, апостол Фома посвятил волхвов в епископы. Приняв мученичество, они закончили земную жизнь приблизительно в одно время и похоронены были также вместе. Их гробница находилась, как

считают, в персидском городе Сава. По воле святой равноапостольной царицы Елены мощи волхвов были перенесены в Константинополь, а в V в. — в Медиолан (современный Милан). По ряду свидетельств император Фридрих I Барбаросса подарил мощи Кёльнскому архиепископу, и в 1164 г. останки волхвов были перенесены в Кёльн. С целью обрести для них достойное пристанище, в городе было решено изготовить золотой реликварий и воздвигнуть собор. Реликварий был выполнен в начале XIII в. По форме — это трехнефная базилика-ларец, украшенный драгоценными камнями и горельефными изображениями библейских персонажей. В нем две нижних и одна верхняя камеры, в которых хранятся мощи волхвов. Этот уникальный ковчег и сейчас считается в Германии одним из выдающихся шедевров средневекового искусства, хотя существуют и другие мнения, основанные как на факте многовекового использования реликвария, так и на случаях его позднейших реставраций и разграблений.

«День трех святых королей», приходящийся на 6 января, очень популярен в Германии. В этот день Кёльнский собор посещают массы паломников, а накануне вечером во многих городах и селениях мальчики в белых балахонах, трое из которых одеты в «королевские одежды» с «золотыми коронами» на головах, ходят от дома к дому и поют

Реликварий с мощами трех евангельских волхвов.
Вторая пол. XII в. Германия

* Святое Евангелие с толкованием святых отцов. Единец, 2006. С. 23.

Иеромонах Илья и автор статьи под куполом Рейхстага в Берлине

песни, прославляющие «трех святых королей». У храмов устраивают фольклорные представления, изображающие приход волхвов в Вифлеем и их поклонение Христу-младенцу, а в самих церквях устанавливают рождественские ясли с участием трех волхвов. Кроме того, 6 января немцы в последний раз зажигают в доме рождественскую ёлку и считают, что после этого праздника день «прибавился на петушиный шаг».

Выходя из собора, я немного побродил по соседним малоинтересным улочкам, переполненным сувенирными лавочками, и отправился на набережную Рейна, благо она совсем неподалеку. Четыре года назад я видел исток великой немецкой реки (хотя самое нижнее ее течение проходит по Голландии) в Констанце на берегу Баденского озера. Видел и среднее ее течение — в Майнце, где Рейн уже могучая полноводная река, но в Кёльне он, кажется, еще шире.

У причала прогулочных катеров мне встретилась компания из нашей группы во главе с

Николаем Васильевичем. С ними был и отец Илья. Николай Васильевич уже узнал (еще издали я заметил, как он раскланивался с высоким, толстым немцем в морской — или речной? — форме), что помимо продолжительных — на несколько часов — экскурсий по Рейну, есть и коротенькая, всего на час, поездка в пределах города. Минут через десять мы уже поднялись на верхнюю палубу, и катер отчалил. Когда он вышел на середину реки, задул довольно свежий ветер, и я тут же припомнил свой радикулит и решил спуститься вниз, на закрытую палубу. Николай Васильевич из-за тех же опасений присоединился ко мне. Нижний салон с широкими окнами во всю длину бортов оказался почти пуст. Мы выбрали место за длинным столом впереди по ходу судна. Только мы уселись, как к нам присоединился и отец Илья. Через минуту к нам подошла немолодая, невысокая официантка. Николай Васильевич охотно залопотал с ней по-немецки. Женщина, улыбаясь, что-то ему отвечала. Мы хотели заказать по большому стакану пива (на мой взгляд, в нем примерно та же английская пinta) на брата, но наш монах от пива отказался и попросил сок.

— Она — швейцарка, уже несколько лет с открытием навигации приезжает сюда подработать, — сказал наш полиглот, когда официантка отошла.

Тем временем катер проплыл под каким-то мостом, за окнами по берегам все тянулись и тянулись современные здания, среди которых кое-где возвышалось несколько громадных, явно деловых строений с бесчисленными сотами окон. И если бы не громада собора, две башни-колокольни которого были видны отовсюду, то можно было бы подумать, что мы не в Германии и вообще не в Европе, а где-нибудь по ту сторону Атлантики. Отчасти все-таки прав оказался Эрнст Юнгер, писавший в своем военном дневнике, что с каждым годом войны растет вероятность появления на послевоенной немецкой земле новых Чикаго.

Официантка вернулась с подносом и поставила перед каждым по стакану. Мы отхлебнули по глотку-другому. И тут Николай Васильевич неожиданно сказал: «Ну, вот. Мы здесь оказались втроем, так, может быть, поговорим, как мы пришли к Богу? Или не пришли?» — нерешительно закончил он, обративши свой взгляд в мою сторону.

— Что касается меня, то честно скажу, я еще не пришел. И не знаю, приду ли вообще, — ответил я, и, чтобы закрыть эту тему, продолжил: — правда, в младенчестве меня крестили, так что, если подходить формально, я православный. Но дело ведь не в этом. Конечно, я с уважением отношусь к нашей Церкви, это важная часть нашей культуры и истории. И мне было интересно поучаствовать в этой поездке, за эти дни я узнал многое, о чем лишь догадывался, но чего никогда бы не увидел. А что касается веры, то, наверно, мне было бы легче жить, если бы я уверовал, но чего нет, того нет, лукавить не стану.

— Я думаю, что если Вы обратитесь к Церкви, то это будет серьезно, — заключил мои слова монах.

— Может быть, — ответил я.

И больше к затянутому Николаем Васильевичем разговору мы не возвращались, и я до сих пор не знаю, зачем он вообще его завел.

А официантка, кстати говоря, с удовольствием сфотографировалась с нами на прощание, а денег с нас так и не взяла. Вот тебе и якобы всем известная немецкая скупость!

На этом я, пожалуй, и закончу свой рассказ об этой паломнической поездке. Добавлю лишь, что на следующий день — уже 8 мая, когда на Западе отмечают день Победы, мы были в Берлине и осмотрели Рейхстаг с его новым стеклянным куполом, а потом немного погуляли по Унтер ден Линден. А следующим днем, когда наш автобус вновь пересек польско-белорусскую границу, белорусский пограничник поздравил нас с праздником, и мне стало радостно от возвращения в родные края.

